

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-67-80

УДК: 372.882

Е.Н. КолокольцевГосударственный университет просвещения,
141014 г. Мытищи, Московская обл., Российская Федерация

К изучению повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» в 7 классе

Аннотация. В статье рассматривается методика изучения повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» как части «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина». Цель исследования – показать мастерство Пушкина в изображении человеческого бессердечия, разбивающего жизнь старого станционного смотрителя, и представить методику проведения урока литературы в 7 классе по повести «Станционный смотритель», на котором могут быть использованы межпредметные связи (в том числе произведения изобразительного искусства, например, при обращении к истории главной героини повести – Дуни, связывая ее судьбу с картинками, иллюстрирующими притчу о блудном сыне). Внимание автора сосредоточивается как на творческой истории произведения, так и на позициях литературоведов, обращавшихся к исследованию «Повестей Белкина». В статье освещается ряд приемов, которые способствуют школьному разбору повести: это и составление плана, и интонационное чтение, и пересказ, и внутритекстовые сопоставления, и сопоставление сюжета пушкинской повести с сюжетом повести Ж.-Ф. Мармонтеля «Лоретта», и композиционный анализ, и сопоставление художественных иллюстраций с текстом произведения как средства конкретизации представлений учащихся о героях и событиях повести, как средства повторного охватывания содержания произведения. Сопоставление первоначального плана «Станционного смотрителя» с итоговым текстом повести позволит не только обратиться к ее творческой истории, но и проверить, уточнить знание учащимися художественного текста, понимание его идейного содержания.

Ключевые слова: повесть А.С. Пушкина «Станционный смотритель», судьбы героев литературного произведения, композиция литературного произведения, «градация угасания» в сюжете повести, смысл финала повести, иллюстрации художников на уроках литературы в школе

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Колокольцев Е.Н. К изучению повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» в 7 классе // Литература в школе. 2023. № 4. С. 67–80.
DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-67-80

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-67-80

E.N. KolokoltsevState University of Education,
Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

On studying A.S. Pushkin's story "The Stationmaster" in the 7th grade

Abstract. The article discusses the methodology for studying A.S. Pushkin's story "The Stationmaster" as part of the "Tales of the late Ivan Petrovich Belkin". The purpose of the study is to show Pushkin's skill in depicting human heartlessness that broke the life of an old stationmaster and to present a methodology for conducting a literature lesson in the 7th grade based on the story "The Stationmaster", which can use interdisciplinary connections (this may include works of fine art, for example, when referring to the history of the main character of the story – Dunya, associating her fate can with pictures that illustrate the parable of the prodigal son). The author's attention is focused both on the creative history of the work, and on the positions of literary critics who turned to the study of Belkin's Tales. The article highlights a number of techniques that contribute to the school analysis of the story: this is the drawing up of a plan, intonational reading, retelling, intra-text comparisons, comparison of the plot of Pushkin's story with the plot of the story "Loretta" by J.-F. Marmontel, compositional analysis, and comparison of artistic illustrations with the text of the work as a means of concretizing students' ideas about the characters and events of the story, as a means of recapturing the content of the work. Comparison of the original plan of the "Stationmaster" with the final text of the story will allow not only to turn to its creative history, but also to check and clarify the students' knowledge of the literary text, understanding its ideological content.

Key words: A.S. Pushkin's story "The Stationmaster", the fate of the literature characters, the composition of a literary work, "gradation of fading" in the plot of the story, the meaning of the story's finale, artistic illustrations when studying literature at school.

CITATION: Kolokoltsev E.N. On studying A.S. Pushkin's story "The Stationmaster" in the 7th grade. *Literature at School*. 2023. No. 4. Pp. 67–80. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-67-80

«Повести покойного Ивана Петровича Белкина», первое прозаическое произведение А.С. Пушкина, давно вошли в школьные программы по литературе. Выбор составителей программ пал на отдельные пове-

сти пушкинского цикла – «Выстрел», «Метель», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», которые по преимуществу изучаются как самостоятельные произведения. Разумеется, что школьники все же должны

иметь художественно цельное представление о них как частях цикла повестей, состоящего из пяти произведений, открывающихся предисловием «От издателя». Обращаясь к предисловию, необходимо подчеркнуть, что Пушкин взял на себя роль издателя, а авторство приписал провинциальному помещику Ивану Петровичу Белкину, который собирал занимательные истории из уездной жизни, слышанные им «от разных особ». Для «любопытных изыскателей» Пушкин сообщает в отдельной сноске, что «Смотритель» был рассказан Белкину титулярным советником А.Г.Н., «Выстрел» – подполковником И.Л.П., «Гробовщик» – приказчиком Б.В., «Метель» и «Барышня-крестьянка» – девицею К.И.Т. [9, т. 6, с. 56]. Нельзя не отметить, что в этой сноске подчеркиваются оттенки некой служебной, профессиональной причастности тех лиц, которые рассказывают истории, записанные Иваном Петровичем Белкиным: чиновник рассказывает о чиновнике, офицер – о дуэлях, приказчик – о мелком служащем, девица – о любви. Таким образом, в каждой повести намечена тема «второго» рассказчика. Робкий и «девически» стыдливый, страдавший к тому же «недостатком воображения», Иван Петрович Белкин не мог почерпнуть все эти истории из своего жизненного опыта, крайне ограниченного. Явно иронический эпиграф из «Недоросля» Д.И. Фонвизина, предшествующий предисловию «От издателя»,

Г - жа Простакова:

То, мой батюшка, он еще сызмала
К историям охотник.

Скотинин:

Митрофан по мне.

[Там же, с. 54]

относится именно к Белкину, который «получил первоначальное образование от деревенского дьячка» и которому был «обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности» [Там же, с. 55].

Предисловие «От издателя», формально объединившее все пять повестей, содержит «краткое жизнеописание покойного автора» и призвано удовлетворить «справедливому любопытству любителей отечественной словесности» [Там же, с. 54].

Статья «От издателя», подписанная «А.П.», может быть прокомментирована учителем или прочитана полностью в классе. Эта статья была написана Пушкиным 14 сентября 1830 г., этим же числом датируется и «Станционный смотритель», что позволяет словеснику рассматривать предисловие именно перед изучением повести. Во всем цикле повестей Пушкин мастерски использует художественный прием вымышленного героя-рассказчика. Стоит обратить внимание школьников на переписку Пушкина с поэтом и критиком П.А. Плетневым, который был ближайшим другом поэта и деятельным помощником в его издательских и литературных делах. 9 декабря 1830 г. (5 декабря, по возвращении из Болдина в Москву поэт читал свои повести Баратынскому) Пушкин пишет Плетневу: «...(весьма секретное). Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется – и которые напечатает также Анонуме. Под своим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает» [Там же, т. 10, с. 253]. (Журнал «Северная пчела», который возглавлял журналист, романист и литературный критик Ф. Булгарин, писал тогда о «совершенном падении» Пушкина

как поэта). Спустя полгода Пушкин вновь обращается к П.А. Плетневу: «Я переписал мои пять повестей и предисловие, т.е. сочинения покойника Белкина, славного малого. Что прикажешь с ними делать?» [9, т. 10, с. 281]. Задумав издать «сказки... Ив.П. Белкина», Пушкин просит Плетнева приступить к их изданию. Очевидно, что поэт, выступающий в роли издателя, задумываясь о публикации Incognito, стремился скрыть для читателя тайну авторства повестей. «Вся сложная система маскировки подлинного автора построена была в предисловии к «Повестям Белкина»» [2, с. 304]. Стоит прислушаться к мнению литературоведа: «Девушка И.К.Т., подполковник И.Л.П., титулярный советник А.Г.Н., приказчик Б.В. доносили до Белкина чужое, которое Пушкин сделал своим, выражая в повестях свое ни у кого не позаимствованное мироощущение, собственные взгляды на проблему добра и зла» [3, с. 66].

Помимо эпиграфа к предисловию «От издателя», Пушкин предпосылает эпиграфы к каждой из повестей, составивших повествование из пяти историй «покойного друга». Не лишена эпиграфа и повесть «Станционный смотритель». Эпиграф к ней представляет собой измененную цитату из стихотворения П.А. Вяземского «Станция» (1825):

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.
[9, т. 6, с. 88]

«Губернский регистратор» в стихотворении Вяземского заменен Пушкиным на чин «коллежского регистратора». В тогдашней «Табели о рангах» не был зафиксирован чин «губернский регистратор». Пушкин предпочитает изменить чин,

упоминаемый Вяземским, на низший гражданский чин «коллежского регистратора». Эпиграф, нередко предпосылаемый к художественным созданиям, является своего рода «обогащенным заглавием» [4, с.103], которое может проливать свет на тему и идею произведения, на характеры главных героев, на время и место действия. Эпиграф к «Станционному смотрителю» теснейшим образом связан с образом главного героя Самсона Вырина и его судьбой.

Наряду с учительским комментарием к эпиграфу повести, потребуется и краткий комментарий к заглавию произведения, в котором содержится указание на должность героя. Станционный смотритель – должностное лицо, которому было поручено наблюдение и надзор за почтовой станцией. Он был обязан содержать лошадей, проверять подорожные, принимать и отправлять проезжающих. Словесник прочитает в классе открывающее повесть «Рассуждение о зрителях» [9, т. 6, с. 88–89]. Именно так назвал его Пушкин в первоначальном плане повести [Там же, с. 521]. «Рассуждение» представляет собою образец ораторского красноречия. Особое внимание следует обратить на интонацию «Рассуждения», памятуя о том, что интонация является средством художественного общения писателя (актера, музыканта) со своей аудиторией. «Поскольку устная жизнь художественного текста регулируется исполнением (декламацией), – отмечает Ю.М. Лотман, – письменный текст должен иметь соответствующие знаки организации» [5, с. 74]. К таким «знакам организации» художественного текста ученый относит и знаки препинания. Даже при беглом обращении к инструментровке

«Рассуждения о зрителях», обращенного к «любезным читателям», нельзя не увидеть, какую роль в его интонировании играют знаки препинания. В мелодическом рисунке текста «Рассуждения» школьники найдут и вопросительные, и восклицательные, и повествовательные предложения. Кроме того, вопросительный и восклицательный знаки встречаются и внутри предложения; дважды встречается в тексте и вставная конструкция, выделенная скобками. Сочетание в «Рассуждении» разных интонационных оттенков в общем строе художественного текста передает взволнованность автора, исчисляющего испытания, которые выпали на долю «сущего мученика четырнадцатого класса» [5, с. 88].

Чтобы подчеркнуть богатство мелодического рисунка (синтаксического строя) «Рассуждения о зрителях», учащиеся прочитают его «вслед за автором» по предложениям: один ученик готовится к чтению только вопросительных предложений, другому будет поручено чтение восклицательных предложений, третий воспроизведет в устном чтении повествовательные предложения, четвертый обратится к вставным конструкциям внутри предложения, которые выделены с помощью скобок. Такое чтение внешне напоминает широко распространенное чтение по ролям. Но в данном случае его можно было бы квалифицировать как *интонационное чтение*. Оно сосредоточит внимание учеников на эмоциональных, интонационных перепадах художественного текста, заставит их задуматься о характере произнесения вопросительных предложений, предвосхищающих конфликт, восклицательных предложений, передающих сильное

чувство, и повествовательных предложений, обычно доминирующих в художественном произведении.

Учителем и школьниками прочитано «Рассуждение о зрителях». Дома учащиеся прочитают повесть и письменно, имея перед глазами текст, составят ее план, который будет способствовать внимательному чтению произведения. После обсуждения в классе планов, составленных учениками, словесник отметит, что в них хорошо передана последовательность событий повести, но, наряду с неточностью некоторых заголовков, мало внимания уделяется авторской позиции, месту и времени действия. «Текст плана, – отмечает М.А. Рыбникова, – это одна из самых ответственных форм работы над произведением; это работа логическая и языковая одновременно. Это работа над содержанием произведения и одновременно работа над его композицией» [11, с. 391]. Методист допускает, что в отдельных случаях план может быть продиктован словесником в классе. Школьники запишут под диктовку учителя план повести, разбитый на две колонки («Повествование от лица автора» и «Рассказ старого зрителя»).

После записи плана потребует комментария правая колонка, которая воспроизводит рассказ стационарного зрителя. Но в этом рассказе происходит, казалось бы, незаметное изменение субъекта повествования. Прямое воспроизведение рассказа Вырина, которое начинается словами «Так вы знали мою Дуню?» [9, т. 6, с. 92], растворяется в авторском пересказе его истории. И лишь самый конец рассказа зрителя приобретает опять форму прямой речи: «Вот уж третий год, – заключил он, – живу без Дуни...» [Там же, с. 96].

В планах, составленных учащимися, как правило, указывается на три посещения повествователем почтовой станции, что говорит о внимательном чтении повести. В предложенном учителем плане три приезда на станцию предваряются цитатами, которые указывают на время и место действия. А в цитатах, предпосланных второму и третьему приезду, нельзя не почувствовать нотки авторского отношения к событиям и героям. Д.Д. Благой, имея в виду три приезда повествователя на почтовую станцию, отмечает «грациозную композицию» повести, ее «удивительную стройность и выразительность» [1, с. 207, 209]. Он же предлагает читателю сопоставить описание первого и второго приездов. План поможет учащимся сопоставить в кратких пересказах первый и второй приезды повествователя на станцию. При этом пересказ второго приезда учащиеся воспроизведут до начала рассказа Вырина о потере Дуни.

Какова цель таких пересказов? Сопоставляя пересказы, не исключая обращение к тексту, ученики отметят, как изменился Самсон Вырин: «бодрый мужчина» через несколько лет предстает перед рассказчиком «хилым стариком»: «...как он постарел!» [9, т. 6, с. 91]. Не пройдут ученики и мимо изменений в обстановке почтового домика. В «смиренной, но опрятной обители» [Там же, с. 90], какой она предстала повествователю в первый приезд, все показывало «ветхость и небрежение» [Там же, с. 91]: стол и кровать на прежних местах (но смотритель спит под тулупом), по-прежнему висят на стене «картинки, изображающие историю блудного сына», но «на окнах уже не было цветов» [Там же].

Уже не чувствовалось заботливой дочерней руки. Стоит отметить еще одну деталь, подчеркивающую, как смотритель переписывает подорожную рассказчика. В первом посещении станции ее хозяин предстает перед повествователем человеком «свежим и бодрым»: «Тут принялся он переписывать мою подорожную...» [Там же, с. 90]. А во втором приезде подчеркивается нерасторопность, медлительность смотрителя, который «собирался... переписать мою подорожную... и продолжал *пошептом* читать мою подорожную» (курсив наш. – Е.К.) [Там же, с. 91]. Школьники без труда поймут главное отличие. Во втором приезде рассказчик застал только одного смотрителя, в почтовом домике уже нет Дуни, «повесть» о которой и услышал рассказчик из уст «смиренного смотрителя».

Сопоставив два приезда повествователя на почтовую станцию, в которых дается прямая и косвенная (посредством деталей) характеристика смотрителя, школьники обратятся к рассказу Самсона Вырина, краткое содержание которого передано в правой части плана. Обращаясь к плану, школьники без труда ответят на вопрос, сколько раз встречается смотритель с Минским. Эти три встречи, которые каждый раз приобретают все новые и новые оттенки, и определят содержание последующего шага урока. Обращение учеников к сказу смотрителя, беседа и комментарий учителя помогут школьникам осмыслить значение этих встреч.

Прибытие гусара на станцию заставит учащихся вспомнить начинающую повесть «Рассуждение о смотрителях», в котором отмечается, что «всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает

на зрителе» [9, т. 6, с. 88]. Вот и по прибытии на станцию, узнав, что «лошади все были в разгоне», «проезжий в черкесской шапке» «возвысил было голос и нагайку» [Там же, с. 92]. Случившееся далее учащиеся уже воспроизводили в пересказе. Характеризуя взаимоотношения Минского и зрителя, ученики отметят, что Вырин уступил «большому» гусару свою кровать и на другой день послал за лекарем. Поведение гусара вызвало отклик в душе зрителя: гусар «так полюбился доброму зрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем» [Там же, с. 93]. Прощаясь со зрителем, гусар щедро наградил его «за постой и угощение» [Там же]. Заканчивается первая встреча героев повести тем, что гусар сманил Дуню из отцовского дома, вызвав большое беспокойство зрителя, который «не снес своего несчастья...» [Там же, с. 94].

Вторая встреча происходит уже в Петербурге в Демутовом трактире (петербургская гостиница на набережной реки Мойки; там неоднократно останавливался и сам Пушкин). Школьники в чтении по ролям (Минский, Вырин, от автора) воспроизведут разговор зрителя и Минского и поделятся своими впечатлениями об этой встрече, которая говорит о том, что расстояние между бедным зрителем и похитителем его дочери резко увеличивается. А сверток «смятых ассигнаций» [Там же, с. 95], сунутых Минским в рукав зрителя, еще более увеличивает дистанцию между потерявшим дочь зрителем и ротмистром Минским. Школьники помнят, как зритель, испытывая чувство негодования, поступил с этими ассигнациями. Известно, что

Пушкин датировал повесть 13 сентября, но на другой день он включил в текст повести эпизод, в котором молодой человек похищает брошенные зрителем деньги. Дата окончания повести была изменена поэтом на 14 сентября. Школьники поделятся суждениями, для чего Пушкин включил этот эпизод в рукопись повести. Ответы могут быть самыми разными. Сцена с ассигнациями получает некий дополнительный смысл, усиливающий несчастья бедного зрителя в этом несправедливом мире: боль старого зрителя не встречает отклика в барской душе Минского.

Последняя встреча зрителя с Минским происходит на Литейном. Воссоздает этот эпизод цветная иллюстрация художника А.В. Ванецяна [10, с. 97]. Рассматривая иллюстрацию в соотношении с текстом, школьники отметят, что графический строй изображения является убедительным откликом на слова повествователя: «В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел...» [9, т. 6, с. 96]. Сюжет иллюстрации дополняется изображением бедного зрителя, который остановился в проеме растворенной двери. В качестве подписи к иллюстрации ученики подберут слова: «Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался» [Там же]. Иллюстрация статична. На ней представлены герои и обстановка в отдельный момент действия. Но рассматривая иллюстрацию, читатель-зритель поневоле воссоздает события, предшествующие изображенному на иллюстрации эпизоду: Вырин заметил щегольские дрожки, остановившиеся у трехэтажного дома,

узнал Минского и «с неизъяснимым движением сердца» [9, т. 6, с. 95] принял решение войти в дом. Внимание учащихся сосредоточится и на событии, последующим после отображенного на иллюстрации. Заметив зрителя, Минский «сильной рукой схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу» [Там же, с. 96]. Зрителю, оставившему надежды вернуть дочь, ничего не оставалось, как отправиться из Петербурга обратно на почтовую станцию.

Содержание этих трех встреч проливает свет на чувства и переживания действующих лиц, усиливает трагический конфликт, положенный в основу повести. В сознании Минского зритель так и остается бесправным чиновником «четырнадцатого класса». Боль старого отца не встречает отклика в барской душе гусара.

В повести «Станционный зритель», которую Д.Д. Благой называет «значительнейшей из повестей Белкина» [1, с. 207–208], показана личная и социальная драма так называемого «маленького человека», драма отца и драма забитого мелкого чиновника. Этой повестью А.С. Пушкин положил начало произведениям русской литературы о так называемом «маленьком человеке».

Школьников целесообразно познакомиться с первоначальным планом повести, который «не во всем соответствует окончательному тексту»: «Рассуждение о зрителях. Вообще люди несчастные и добрые. Приятель мой зритель вдовый. Дочь. Тракт сей уничтожен. Недавно поехал я по нем. Дочери не нашел. История дочери. Любовь к ней писаря. Писарь за нею в Петербург. Видит ее на гулянии. Возвратясь, находит отца мертвого. Могила за околицей. Еду прочь.

Писарь умер. Ямщик мне рассказывает о дочери» [9, т. 6, с. 521].

Сопоставление первоначального плана с итоговым текстом повести позволит не только обратиться к ее творческой истории, но и проверить, уточнить знание учащимися художественного текста. Школьники обычно отмечают, что в плане говорится о писаре, который любит дочь зрителя и который едет в Петербург, где видит любимую девушку на гулянье. Писарь в первоначальном плане выступает в качестве едва ли не основного героя. И это противоречило бы заявленному в первоначальном плане «рассуждению о зрителях» как «людях несчастных и добрых» [Там же, с. 521] и авторскому признанию о вдовом приятеле из среды зрителей. В процессе работы над повестью писарь, влюбленный в зрителю дочку, автором вовсе устраняется, и внимание читателя полностью сосредоточивается на драматической судьбе зрителя.

Внимательные читатели, конечно, заметят, что в первоначальном плане говорится об одном приезде рассказчика на почтовую станцию («Недавно я поехал... Еду прочь»). Но план позволяет предположить, что повествователь не один раз бывал на почтовой станции, зрителя которой он называет своим «приятелем». А в окончательном варианте повести – три приезда: во время первого приезда рассказчик знакомится со зрителем и его дочкой, во втором приезде он встречает только одного зрителя, а в третьем приезде – никого не находит и посещает могилу зрителя «за околицей». Уменьшение числа персонажей в трех приездах на станцию

Д.Д. Благой называет «градацией угасания» [1, с. 212]. Необходимо пояснить учащимся, что градация является стилистическим приемом, позволяющим воссоздавать события в известном порядке: либо в их нарастании, либо в их ослаблении, «угасании».

Школьники перечитают в классе короткую заключительную часть (эпilog) «Станционного зрителя» от слов «Недавно еще, проезжая через местечко ***...» [9, т. 6, с. 97] – до конца повести. Открывается она запоминающимся пейзажем: «Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев» [Там же]. В какой же мере этот пейзаж соответствует событиям третьего приезда на станцию? Ученики отметят, что осенний пейзаж созвучен драматическим событиям, описанным в концовке повести, – сообщению о смерти зрителя, который «с год как помер» [Там же], и посещению кладбища: «Отроду не видал я такого печального кладбища» [Там же, с. 98].

Чем же отличается концовка повести от первоначального плана? Школьники отметят, что в первоначальном плане о дочери повествователю «рассказывает» ямщик, а в окончательном тексте о Дуне повествователь узнает из уст «рыжего и кривого» [Там же, с. 97] мальчишки. Он поведал не только о зрителе, оставившем о себе добрую память, но и о приезде «прекрасной барыни» на могилу зрителя: «...ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською...» [Там же]. По сути дела, судьба Дуни остается за пределами повести, в финале

которой читатель узнает о посещении могилы отца, что говорит о чувстве дочерней вины перед ушедшим.

Ученики рассмотрят иллюстрации, которые вторят финалу повести. Чем мог руководствоваться художник А.В. Ванециан, передавая финальную сцену посещения Дуней могилы отца? Он не мог пройти мимо слов рассказчика о Дуне во время его первого приезда на почтовую станцию: «Красота ее меня поразила» [Там же, с. 90]. Да и самому зрителю довелось увидеть в Петербурге Дуню, одетую «со всею роскошью моды» [Там же, с. 96]. Наконец, в восприятии рыжего мальчика дочь зрителя предстает «прекрасной барыней», «славной барыней» [Там же, с. 97, 98]. Такое лаконичное описание внешности Дуни едва ли дает художнику исчерпывающий материал для воссоздания ее портрета на иллюстрации. Но художника всегда спасают представления об эпохе, запечатленной в литературном произведении, и работа его творческого воображения. На иллюстрации Дуня изображена в рост перед могилой отца, осененной деревянным крестом. Героиня одета в длинное темное платье, которое она слегка подобрала левой рукой. Полные печали глаза, устремленные на могилу, и платочек, горестно прижатый к лицу, передают переживания молодой женщины. А на заднем плане рисунка изображен рыжий мальчик, который «издали» наблюдал за «славной барыней». На дальнем плане изображена сельская церковь, куда, со слов мальчика, пошла Дуня и «призвала попа, дала ему денег и поехала...» [Там же, с. 98].

Иное изобразительное решение эпизода посещения Дуней могилы

отца дает художник М.В. Добужинский. Он следует тексту повести и показывает героиню, лежащей на могиле отца. Светлая полоса заката словно разделяет два плана на иллюстрации: «серенькие тучи» (рассказчик «приехал в село при закате солнца») и изображение «печального кладбища», которое представляло собой «голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами» [9, т. 6, с. 98]. Изображением пустынного кладбища с деревянными крестами художник вторит художественному тексту и вызывает у зрителя сочувствие героине, которая испытывает горькое чувство вины перед ушедшим.

О чем же говорит финал повести? Как характеризует Дуню посещение могилы смотрителя со своими

маленькими детьми? Отвечая на эти вопросы, ученики поделятся своими суждениями, пусть и разноречивыми. Но главное, что нужно отметить в итоге беседы – в душе героини живо высшее человеческое начало, сохранилось здоровое нравственное чувство, чувство вины перед отцом.

Финал «Станционного смотрителя» заставляет обратиться к четырем описанным в повести картинкам, изображающим историю блудного сына. Можно ли эти картинки соотнести с судьбой Дуни? В итоге беседы с учащимися по соотнесению картинок с темой Дуни в повести у них постепенно складывается представление о соприкосновении этих картинок (по сходству и контрасту) с судьбой героини, которое можно оформить в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Притча о блудном сыне и судьба Дуни

<i>Первая картинка:</i> старик «отпускает беспокойного юношу», который «принимает его благословение и мешок с деньгами»	Отец отпускает Дуню прокатиться в дорожной кибитке «до церкви»; плачущая девушка уезжает из отцовского дома «по своей охоте»
<i>Вторая картинка</i> изображает «развратное поведение молодого человека», который «сидит за столом» с «ложными друзьями и бесстыдными женщинами»	Чувствуя свою вину, Минский убеждает смотрителя, что Дуня «отвыкла от прежнего своего состояния» и что «она будет счастлива»
<i>Третья картинка:</i> «промотавшийся юноша» «пасет свиней и разделяет с ними трапезу»; «в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние»	«В комнате, прекрасно убранной», «Дуня, одетая со всею роскошью моды», «с нежностью смотрела на Минского». Смотритель «поневоле ею любовался»
<i>Четвертая картинка:</i> возвращение блудного сына к отцу; «добрый старик» с радостью «выбегает к нему навстречу»	«Прекрасная барыня» «в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и кормилицей» приезжает в село, узнает о смерти старого смотрителя и «долго» лежит на его могиле

Как показывает беседа, ассоциации с древней притчей в ее связи с судьбой героини не всегда так очевидны и прозрачны. Приходится учитывать не только эпизоды, которые

напрямую связаны с изображением Дуни, но и, например, эпизод разговора Минского и смотрителя в Демутовом трактире о судьбе Дуни. Эти сопоставления невольно ведут

школьников к решению вопроса: «Счастлива ли Дуня?» Пушкин, посвятивший свою повесть другой судьбе – судьбе станционного зрителя, изображенной во всей ее трагической безысходности, не дает прямого ответа на этот вопрос. В истории литературы высказывается точка зрения, что Минский, заверяя Вырина, что Дуня «будет счастлива», «сдержал свое обещание» [2, с. 289]. Рассказ мальчика «о посещении Дуней могилы отца – неоспоримо свидетельствует об этом», – подчеркивает Е.Н. Купреянова [Там же]. По мнению Е.А. Маймина, «Станционный зритель» завершается финалом – «в равной степени и скорбным, и счастливым» [6, с. 144]. Трудно пройти мимо высказываний литературоведов о том, что в финале повести нельзя не почувствовать мотива успокоения, ноты примирения.

Представляет интерес и точка зрения Д.Д. Благого на окончание повести: «...бесконечно унылый, безнадежно печальный колорит повести получает чисто пушкинское оптимистическое решение.

У гробового входа играет младая жизнь. Могилу зрителя посещает со своими маленькими детьми его Дуня, судьба которой сложилась совсем не так, как это угрожающе предвещала серия поучительных картинок о блудном сыне...

Причем особенно художественно выразительно и тонко то, что рассказ об этом посещении вложен в уста «рыжего и кривого» мальчишки, дружившего с покойным зрителем...» [1, с. 213–214].

Ученики поделятся своим восприятием финала повести и отметят, какая из позиций литературоведов особенно близка им.

В пушкиноведении отмечается, что канвой «Станционного зрителя» явилась одна из «нравоучительных» повестей французского писателя Жана-Франсуа Мармонтеля «Лоретта». В библиотеке Пушкина, по библиографическому описанию Б.Л. Модзалевского, было представлено собрание сочинений Мармонтеля, изданное в Париже в 1818–1819 гг. [7, с. 282], что допускает вероятность ознакомления Пушкина с повестью французского писателя. Очертания сюжета сентиментальной повести «Лоретта» близки сюжету пушкинской повести. Героем повести Мармонтеля является деревенский фермер Базиль. Его дочь, Лоретта, неожиданно уезжает с графом де Люзи, прикинувшимся больным. Базиль отправляется на поиски, находит дочь, живущую в изобилии. Он возвращает ее домой и в конце концов официально выдает ее замуж за графа. Сюжеты близки, но в деталях различаются. В повести Пушкина сентиментальный сюжет совмещается с гуманистическими идеалами в изображении характеров и обстоятельств современной поэту жизни уездной России. В практике преподавания литературы привлечение повести Мармонтеля в сопоставлении со «Станционным зрителем» не нашло широкого распространения. Но в итоге разбора пушкинской повести возможен пересказ «Лоретты» учителем с элементами выборочного чтения. Сопоставление повестей расширит представления учащихся о сюжете и типологических процессах (основанных на установлении общих принципов в развитии событий и в системе образов) в художественной литературе.

В качестве заключительного, синтезирующего этапа изучения повести

целесообразно прибегнуть к рассмотрению и обсуждению серии иллюстраций художника М.В. Добужинского, которая является своеобразным изобразительным сценарием художественного текста. Иллюстрации к «Станционному зрителю» были созданы замечательным мастером русской книги в 1905 г. и впервые опубликованы в 1934 г. в миниатюрном издании повести. Эти иллюстрации получили широкое признание и до сих пор считаются лучшим графическим комментарием к Пушкинскому произведению. Их можно рассмотреть в компьютерном классе в демонстрации на интерактивной доске. Определенный эффект производит демонстрация иллюстраций, напечатанных на отдельных листах. Это дает возможность расположить иллюстрации в определенном порядке, соответствующем развитию событий в повести, то есть в сюжетной последовательности. Составление «картинного плана» повести не вызовет затруднений у школьников. На возможные ошибки в последовательности расположения иллюстраций быстро откликнутся и сами учащиеся. Нет сомнения, что подобная работа позволяет укрепить представления учащихся о сюжете и образном строе произведения.

Последовательно рассматривая иллюстрации к повести, школьники обратятся к фрагментам художественного текста и подберут слова в качестве подписи к каждой иллюстрации.

Серия рисунков к «Станционному зрителю» начинается сценой приезда проезжего «в черкесской шапке, в военной шинели» [9, т. 6, с. 92]. Путешественник, «окутанный шалью» [Там же], изображен в центре иллю-

страции. Его взгляд устремлен на Дуню, выбежавшую из-за перегородки. По ее жесту видно, что она обращается к проезжему. Зритель изображен со спины, на фоне приоткрытой двери. Откликаясь на событие повести, художник помнит, что оно случилось «однажды, в зимний вечер». Мотив приоткрытой двери художник сознательно привносит в иллюстрацию, подчеркивая стремительность появления нетерпеливого гусара. В комнате зрителя художник запечатлел и картинку, висящую на стене. Школьники подберут слова, передающие содержание иллюстрации: «Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие» [Там же].

Учащиеся без труда узнают действующих лиц на следующей иллюстрации: больной гусар с обвязанной платком головой лежит в кровати зрителя, лекарь сидит возле больного, а Дуня готова угостить гусара кружкой «ею заготовленного лимонада» [Там же, с. 93]. Здесь привлекает внимание портретная характеристика молодого гусара и Дуни, красота которой производила впечатление на проезжих. В качестве заголовка к иллюстрации ученики подбирают слова «К обеду приехал лекарь» [Там же].

Следующая иллюстрация переносит читателя в Петербург, куда отправился Самсон Вырин в поисках Дуни. В изображении зрителя, подходящего с «неизъяснимым движением сердца» [Там же, с. 95] к дому на Литейной, художник подчеркнул «глубокие морщины» его старческого лица и «сгорбленную спину» [Там же, с. 91]. А у подъезда дома видна фигура Минского, который перед тем, как войти в дом, обращается к ямщику, сидящему на «щегольских дрожках» [Там же, с. 95]. В изображении

дома художником подчеркнут мотив закрытых ворот и задрапированных окон. А в центре рисунка символически запечатлен верстовой столб, изображение которого художник прямо связывает с печальной судьбой станционного зрителя. Ученики откликнутся на иллюстрацию словами из текста повести: «Смотритель узнал Минского» [9, т. 6, с. 95].

В эпизоде, запечатленном на следующей иллюстрации, художник мастерски конкретизирует словесное описание сцены. Взглядом зрителя, остановившегося в проеме растворенной двери, увидена комната, «прекрасно убранная». «Дуня, одетая со всею роскошью моды», сидит рядом с Минским «на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле» [Там же, с. 96]. «Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною...» [Там же] – эти слова, передающие переживания старого зрителя, школьники под-

берут в качестве подписи под иллюстрацией.

С иллюстрацией, завершающей серию рисунков художника М.В. Добужинского, учащиеся уже знакомы. Иллюстрация вторит словам повести: «Она легла здесь, и лежала долго» [Там же, с. 98].

Обращение к зримым образам иллюстраций явится своего рода повторным охватыванием художественного произведения, не исключая обращая школьников к тексту повести и устного рассказа по рисункам художника.

Обогатит представления школьников о дорожном быте России и о литературных героях повести А.С. Пушкина обращение к книжке-альбому «Домик станционного зрителя»² или к ресурсам Интернета, официальному сайту этого музея.

² Домик станционного зрителя: Музей дорожного быта начала XIX века / сост. Н.И. Грановская, фото В.И. Логинова. Л., 1974.

Библиографический список

1. *Благой Д.Д.* От Кантемира до наших дней: В 2 т. Т. 2. 2-е изд. М., 1979.
2. История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л., 1981.
3. *Красухин Г.Г.* Превозмогая тяжесть. Художественный мир Пушкина в его наиболее примечательных произведениях. М., 2013.
4. *Кржижановский С.Д.* Искусство эпитафия // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 102–112.
5. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972.
6. *Маймин Е.А.* Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1982.
7. *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910.
8. Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997.
9. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977–1979.
10. *Пушкин А.С.* Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Пиковая дама / ст. и примеч. В.И. Коровина; худож. А.В. Ванециан, А.В. Николаев. СПб.; М., 2018.
11. *Рыбникова М.А.* Избранные труды. М., 1958.

References

1. Blagoy D.D. Ot Kantemira do nashih dnei [From Cantemir to the present day]. Vol. 2. Moscow, 1979.
2. Istoriya russkoj literatury: V 4 t. [History of Russian literature in 4 vol.]. Vol. 2. Leningrad, 1981.
3. Krasuhin G.G. Prevozmogaya tyazhest. Hudozhestvennyj mir Pushkina v ego naibolee primechatelnyh proizvedeniyah [Overcoming the weight. The artistic world of Pushkin in his most remarkable works]. Moscow, 2013.

4. Krzhizhanovsky S.D. The art of the epigraph. *Literaturnaya ucheba*. 1989. No. 3. Pp. 102–112. (In Rus.)
5. Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta. *Struktura stiha* [Analysis of the poetic text. Verse structure]. Leningrad, 1972.
6. Maymin E.A. Pushkin. *Zhizn i tvorchestvo* [Pushkin. Live and art]. Moscow, 1982.
7. Modzalevsky B.L. *Biblioteka A.S. Pushkina* [A.S. Pushkin's library]. St. Petersburg, 1910.
8. *Putevoditel po Pushkinu* [Pushkin's guide]. St. Petersburg, 1997.
9. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: V 10 t.* [Complete collection of works in 10 vols.]. Leningrad, 1977–1979.
10. Pushkin A.S. *Povesti pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina. Pikovaya dama* [The stories of the late Ivan Petrovich Belkin. Queen of Spades]. Article and notes by V.I. Korovin; artists by A.V. Vanecian, A.V. Nikolaev. St. Petersburg; Moscow, 2018.
11. Rybnikova M.A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, 1958.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023, принята к публикации 30.06.2023
The article was received on 30.05.2023, accepted for publication 30.06.2023

Сведения об авторе / About the author

Колокольцев Евгений Николаевич – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры инновационных технологий филологического образования Историко-филологического института, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Московская область

Evgeniy N. Kolokoltsev – ScD in Education, Full Professor; Professor at the Department of Innovative Technologies of Philological Education, Institute of History and Philology, State University of Education, Mytishchi, Moscow Region

E-mail: evkolokolcev@yandex.ru